

К 100-летию со дня рождения Януша Корчака

УВАЖАЕМЫЕ ДЕТИ!

Все знают, что во время войны один польский врач, директор сиротского дома, отказался покинуть детей, приговоренных к истреблению в фашистском лагере Трешлинка, и вошел вместе с ними в газовую камеру. Имя этого врача Януш Корчак. Это тот самый «старый доктор», который написал светлую сказку о маленьком короле Матиуше Первом, а также много других книг для детей и о детях и который незадолго до войны вел специальную радиопередачу для детей под названием «Беседы старого доктора».

Врач, педагог, общественный деятель, писатель, Януш Корчак в 1911 году возглавил Дом сирот в Варшаве и всю свою жизнь отдал этим самым обездоленным из детей. Он лечил и растил их физически и духовно, считая бесконечно ценным самый процесс формирования человека. Он требовал уважения к ребенку — любому: сытому или голодному, благополучному или озлобленному.

Он любовно называл своих воспитанников «подрастающим пролетариатом с маленькими ножками». И ушел из жизни, крепко держа их за руки, оставив нам книги, похожие на заповеди и посвященные фактически одной теме — как любить детей.

Любить детей, по Корчаку, — это высокое искусство, которому надо учиться всю жизнь. Глубокий теоретик и великий практик этого труднейшего из искусств, Корчак доказывает в своих книгах, какие сложные и разнообразные чувства люди порой ошибочно принимают за любовь к детям, не видя и не ценя в них личности, не помогая им «в трудной работе роста».

100-летие со дня рождения Я. Корчака вошло в календарь знаменательных дат ЮНЕСКО и отмечается во многих странах. Специальные чтения, семинары, новые издания сочинений, поиск неопубликованного — это лишь малая часть юбилейной программы. «Педагогические идеи Я. Корчака, — сказал недавно в своем выступлении министр просвещения и воспитания ПНР Е. Куберский, — и сегодня имеют огромное значение в деятельности социалистического государства, направленной на создание всех необходимых условий для счастливого детства, жизни без нищеты, несправедливости, унижений, без классовых ограничений и барьеров, без страха перед завтрашним днем».

О Януше Корчаке написано много книг и статей, сказано много прекрасных слов. Но самые прекрасные слова — это слова самого Корчака о детях. Вот почему, отмечая юбилейную годовщину великого педагога, мы решили предоставить слово ему самому и напомнить читателям некоторые из его мыслей и заповедей.

В ПРИНЦИПЕ наш взгляд на ребенка — что его как бы еще нет, он только еще будет, еще не знает, а только еще будет знать, еще не может, а только еще когда-то сможет — заставляет нас беспрерывно ждать.

Половина человечества как бы не существует. Жизнь ее — шутка, стремления — навивы, чувства — мимолетны, взгляды — смешны.

Ради завтра пренебрегают тем, что радует, печалит, удивляет, сердит, занимает ребенка сегодня. Ради завтра, которое ребенок не понимает и не испытывает потребности понять, расхищаются годы и годы жизни.

И ребенок думает: «Я ничто. Чем-то могут быть только взрослые. А вот я уже ничто чуть постарше. А сколько мне еще лет ждать?»

И он ждет — прозябает, ждет — задыхается, ждет — притаился, ждет — глотает слюнки. Волшебное детство? Нет, просто скучное, а если и бывают в нем хорошие минуты, так отвоєванные, а чаще краденые.

Стало быть, все позволять? Ни за что: из скукающего раба мы сделаем изнывающего со скуки тирана. А запрещая, закаляем как-никак волю, хотя бы лишь в направлении обуздания, ограничения себя, развиваем изобретательность, умение ускользнуть из-под надзора, будим критicism. И это чего-то да стоит, как — правда, односторонняя, — подготовка к жизни. Позволяя же детям «все», бойтесь, как бы, потакая капризам, не подавить сильных желаний. Там мы ослабляли волю, здесь отравляем.

Кто не продумает основательно вопроса запретов и приказов, когда их мало, тот растеряется и не охватит всех, когда их будет много.

Уважайте текущий час и сегодняшний день! Как ребенок сумеет жить завтра, если мы не даем ему жить сегодня сознательной, ответственной жизнью? Не топтать, не помыкать, не отдавать в рабство завтрашнему дню, не остужать, не спешить и не гнать. Уважайте каждую отдельную минуту, ибо умрет она и никогда не повторится, и это всегда всерьез; раненая минута станет кровоточить, убитая — тревожить призраком дурных воспоминаний.

Позволим детям упиваться радостью утра и верить. Именно так хочет ребенок. Ему не жаль времени на сказку, на беседу с собакой, на игру в мяч, на подробное рассматривание картинки, на перерисовку буквы, и все это любовно. Он прав.

Ребенок не глуп; дураков среди детей не больше, чем среди взрослых. Облаченные в пурпурную мантию лет, как часто мы навязываем бесмысленные, некритичные, невыполнимые предписания! В изумлении останавливается подчас разумный ребенок перед агрессивной язвительной седовласой глупостью.

Мы тренируем свое внимание и изобретательность в высматривании зла, в расследовании, вынюхивании, выслеживании, преследовании, в ловле с поличным, в дурных предвидениях и оскорбительных подозрениях. (Разве мы приглядываем за стариками, чтобы не играли в футбол?)

Один из мальчиков хлопнул дверью, одна постель плохо постлана, одно пальто запропало, одна клякса в тетрадке. Если мы и не отчитываем, то уж во всяком случае ворчим, вместо того чтобы радоваться, что лишь один, одна, одно.

Ленивые, мы хотим, чтобы из десяти тысяч секунд школьного дня (сосчитай) не было ни одной трудной.

Почему ребенок для одного воспитателя плох, а для другого хорош? Мы требуем стандарта добродетелей и поведения и, сверх того, по нашему усмотрению и образцу. Найдешь ли в истории пример подобной тирании?

Хороший ребенок. Надо остерегаться смешивать «хороший» с «удобным». Мало плачет, ночью нас не будит, доверчив, спокоен — хороший. А плохой — капризен, кричит без явного к тому повода, доставляет матери больше неприятных эмоций, чем приятных... Вежлив, послушен, хорош, удобен, а и мысли нет о том, что будет внутренне безволен и жизненно немощен.

Всякий раз, когда я вижу в выкрашенной белой масляной краской комнате, среди белой полированной мебели, в белом платье, с белыми игрушками бледного ребенка, я испытываю неприятное чувство: в этой хирургической палате, а не детской комнате должна воспитаться малокровная душа в анемичном теле.

Смотрите, как бы, оберегая от бактерий дифтерита, не поместить ребенка в атмосферу, перенасыщенную затхлостью скуки и безволия. Сегодня нет сперттого воздуха от сухенных пеленок, зато есть запах йодоформа.

«Ку-ку, бедная детушенька, где у тебя бобо?» Ребенок с трудом отыскивает чуть видные знаки позавчерашних царапин, показывает место, где, ушибись он сильнее, был бы синяк, доходит до совершенства в нахождении пятнышек и следов.

Из страха, как бы смерть не отняла у нас ребенка, мы отнимаем ребенка у жизни; не желая, чтобы он умер, не даем ему жить.

Материнство облагораживает женщину, когда она отказывается, отрекается, жертвует; и деморализует, когда, прикрываясь мнимым благом ребенка, отдает его на растерзание своему тщеславию, вкусам и страстям.

Мой ребенок — это моя собственность, мой раб, моя комнатная собачка. Я щекочу его за ухом, глажу по спинке, нацепив бант, веду на прогулку, дрессирую, чтобы был смышлен и вежлив, а надоест мне: «Иди поиграй. Иди позанимайся. Спать пора!»

Говорят, лечение истерии заключается в этом: «Вы утверждаете, что вы петух? Ну и оставайтесь им, только не пойте».

— Ты вспыльчив, — говорю я мальчику. — Ладно, дерись, только не слишком больно, злись, но только раз в день.

Если хотите, в этой одной фразе я изложил весь педагогический метод, которым я пользуюсь.

Зная с пятого на десятое анатомию роста, мы не знаем его физиологию, потому что добросовестно изучали больного ребенка и лишь недавно начали приглядываться, и то издали, к здоровому. Вот уже сто лет, как нашей клиниккой является больница и не начала еще быть школа.

Без спокойного, нормального детства вся дальнейшая жизнь будет неполноценной. Ребенок с самого начала своей жизни — человек. Было бы грубой педагогической ошибкой считать, что педагогика — это наука о ребенке, а не о человеке.